

КРОКОДИЛ

№ 34 ● ДЕКАБРЬ 1973

— Значит, договорились: тебе шубу, мне валенки!

Рисунок Г. АНДРИАНОВА

А. МОРАЛЕВИЧ,
специальный
корреспондент Крокодила

Душат слезы. Нет слов.

Приглашаем сопережить накаленную страстями историю.

Итак, подтаивал снег урожая 1973 года. Прачечным паром дымились поля. В средней школе № 1 города Заозерного Красноярского края в рамках всеобуча производилась ревизия интеллекта учащихся. И учащийся, шевеля рубиновыми в лучах солнца ушами, более или менее твердо дундел:

— Арифметические действия бывают: сложение, вычитание, отнимание, умножение...

Словом, учебные будни.

Но уже вынимались из комодов торжественные наряды, расшитые люрексом и сутажом. Уже запрошен был дамским педколлективом долгосрочный прогноз: можно будет в Дом учителя идти прямо в туфлях или же нет?

Потому что 29 марта, увенчивая близкое завершение учебного года, имел быть смотр учительской художественной самодеятельности.

И симпатичнейший завуч средней школы № 1 Н. Я. Кушников сидел за столом, тискал руками голову, пронашивая волосяной покров на висках. Завуч думал, чем бы потрафить педагогам городским и районным. Можно было выйти на публику, одернуть пиджак, вдарить басней по толстосумам и олигархам:

Однажды некий мистер Крот
Под Башню рыл подземный ход.
Но в Башне той живет народ,
Что только Солнце с Неба ждет.
И пусть подобные Кроты
От Солнца прячутся в Кусты!

Это было бы традиционно, невесенне и скучно. Это вязалось с дощатой полутрибуной, отпиванием кипяченой воды между рифмами «крот» и «ход», посыланием приветственных писем вышестоящим органам нарпроса, где этих писем никто не читает.

А хотелось, чтоб было непринужденно и весело и галстук сбит чуточку набок.

Тут выбрал Кушников рассказ посмешнее, вжился в образ, определил степень эмоциональности чтения.

И был смотр художественной самодеятельности, шуршал сутаж, торговал буфет.

— Я прочитаю,— сказал завуч залу,— рассказ «Брак по расчету».— И прочитал на едином дыхании. Переведши дыхание и отступив от рампы, настроился завуч воспринять хотя бы четырехбалльной силы овацию. Но в зале было мертво.

«Как у Ойстраха! — озарило чтеца.— Зал молчит, хотя скрипка умолкла. Все очарованы. Все витают, и только потом взламывается тишина: триумф!»

И взломалась наконец тишина неясным шумом с членораздельными всхлипами:

— Позор! Опозорены! — И голос раздался:

— То-ва-рищ Кушников!

И увидел тут Кушников, что его недвусмысленно кличут пять членов жюри.

— А что это, с позволения сказать, вы читали? — подступили члены жюри, морщась при этом, как будто бы обоняя хлор в писсуаре.

— Это рассказ,— произнес потерянно Кушников.— Авторов Котенко и Давидовича.

— Источник? Откуда почерпнут? — спросило жюри, расследованием все же не прерывая смотра.

— В журнале «Крокодил».

— Номер и год? Конкретно?

— Номер тридцать за 1971 год.

— Мы проверим,— сказали на то инквизиторы. И вкатили Кушникову за выступление даже не единицу, а такой грандиозный ноль, что впору, как в петлю, просунуть голову.

— За что? — покрываясь бледностью, спросил завуч.

Ему объяснили, что за тематику. За похабноскабрезный рассказ, уничижающий советских учителей и в целом идею всеобщего десятилетнего образования.

— Но ведь я его взял...

— В Москве тоже не за всяким присмотреть успевают! — сурово сказали ему.— Идите, мы еще вернемся к вопросу.

Вот, товарищи, корпели соавторы Котенко и Давидович. Сочинили рассказ. Сюжет смешной и таков: половозрелый вечный второгодник затерзал, заморочил школу. Завалил ее показатели. Юная учительница, принеся себя в жертву, взяла балбеса в мужья, надеясь вытянуть к знаниям. Всё.

Устрой мы очную ставку с перекрестным допросом новеллистам Котенко и Давидовичу, нипочем не признали бы новеллисты, что может их невинный, конечно же, шутейный рассказ так сильно повредить человеку.

А повредил!

Дело о чтении разбиралось на президиуме райкома союза работников просвещения. Что не так, мол, это все просто, как может показаться с первого взгляда. Героиня рассказа — Мария Ивановна, и директором в школе № 1 — Мария Ивановна! И нездоровый есть переклик рассказа с заозерской действительностью в смысле пьющих работников просвещения. Видно, долго и злонамеренно выбирал нехороший рассказ этот завуч из толщ мировой литературы. Теперь понятно, зачем он держит лучшую в районе библиотеку.

Так и рисовался воображению завуч Кушников, бледный и озирающийся, на коленях перед грудой шедевров. Ага, Маргарита у Гете. Не перекликается, дрянь, с Марией Ивановной. Не тесный контакт. Вот Брет Эшли, Наташа Ростова, Анфиса Козырева, Хина Члек — все не подобьешь клин под район. Но сыскал в конце концов непотребный и созвучный рассказ! Сыскал и потом, спекулируя доверием В. В. Гальяна, завгороно, что не визирует он тексты для смотра, прочел.

— Но теперь уж я буду визировать! — сказал твердо В. В. Гальян.— А таким, как Кушников, не место. Не место!

Начиналась вкусная травля. Тем паче не местным жителем был этот Кушников, а чужак, из Москвы. Сначала Кушникова убрали из завучей. И дальше вызывали, расследовали, надевали испанские козловые сапоги, сажали к огню, снимали стружку:

— Вы педалировали интонации в тексте!

— Не педалировал.

— Пережимали!

— Не жал.

— Идите пока.

И шел удрученный учитель и думал: чем же в маленьком городе я прогневил людей, что вот прошел даже не учитель, а член лавочной комиссии гражданин Унгецуг — и тоже не поздоровался!

Между прочим, страшное, товарищи, дело, когда уже и Унгецуг не здоровается.

На этом этапе беседовал я с завгороно В. В. Гальяном. Да, сказал зав, с этим рассказом вышло делов. Зря читал его Кушников. Но чтобы травля — его не травят. Хотя вообще педагогическое лицо Кушникова неотчетливое. Есть сведения — изготовил в квартире «жучок» для отвода электроэнергии.

Я думаю, сведения эти не окончательны. Я думаю, поступят данные очевидцев (извините, коль обознались: темно, новолуние), что Кушников, книгочей, напившись пьяным, изображал пресс-папье на бульваре, пытаясь спиной промакивать лужи.

И вообще: кто без книжек шагу не ступит — с тем ухо держи востро. Тут по улице ходил окномой, у него под мышкой стихи Доризо. Окна помыл, пошел дальше — и блузку из кухни упер, и к сифону приделал ноги. А если б, скажем, под мышкой у него Блок? Либо Пушкин? Тут не блузкой уж пахнет, тут столового серебра лишишься как минимум!

А потом говорил я с Ю. И. Механошиным, главою райкома союза работников просвещения.

— Бестактно читал и зря,— сказал Механошин про завуча.— Мы, педагоги, люди обидчивые, болезненно восприимчивые. У шахтеров можно читать рассказ про шахтеров, а у педагогов про педагогов нельзя. Да. Не может в смешном свете предстать педагог. Не может!

Время, конечно, мчится. Газует. И придет 29 марта 1974 года, придет очередной смотр самодеятельности. И чтобы более не возникало эксцессов, мы посылаем для конкурсных чтений рассказ. Товарищ Гальян, просьба назначить исполнителя. Рассказ этот выдержан в заозерском разрезе и духе.

«Замечательная жизнь!» — подумал учитель по третьему году Степан Ликуев. Он вымыл руки мылом, затем вымыл мыло и сел проверять тетради.

— Как хороши мои ученики! — сказал учитель, макая перо в чернильницу.— Какая кривая успеваемости! Даже в разгар лактации кривая надоев в районе не столь показательна. Многознатцы мои! Полиглоты! Как твердо впитали вы правило насчет «семя, вымя, племя, знамя, имя, стремя». Ни один шахтер так не знает его.

Он сложил тетради, вымыл руки мылом, вымыл мыло и вышел на улицу. В какой трогательной нелепости шли навстречу ему земляки! Металлообработчик с рукою на перевязи (он не соблюдал правила техники безопасности), некультурный возница на груженной «Жигулевским» подводе, письмоносец в порванных собаками брюках, дворник, проклинающий тиражи лотерей...

«Как хорошо, что я учитель из династии учителей!» — подумал Степан, покупая дегтярное мыло у хромого аптекаря».

Возможно, удастся заставить прочесть этот рассказ учителя Кушникова, знающего теперь не только почем фунт лиха, но и где его взять.

Если, конечно, до 29 марта учитель выдержит в Заозерном.

г. Заозерный.

Евг. ИЛЬИН

Монолог бракодела

На работе я — ни-ни,
В будни я — ни грамма!
Принимаю в эти дни
воду из-под крана.

Не «гадаю» я в обед,
не «соображаю»,
говорю ребятам: «Нет!
Я уж лучше чаю...»

Правда, в пятницу полдня
мне не до работы:
пред глазами у меня
радости субботы.

А в субботу повело...
Выйду за газетой
и, конечно, «полкило»
пру в газете этой.

И с соседом мне не лень
посидеть особо:
мы друг друга целый день
уважаем оба.

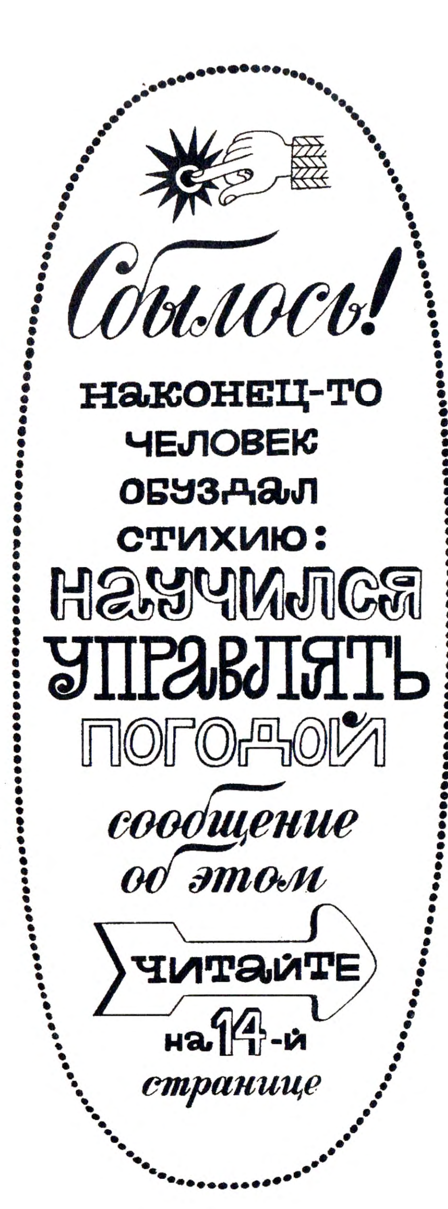
Он хорош, и я хорош,
отдых наш не пресный.
На субботний день похож
и денек воскресный.

Ну, а в будни я не пью!..
Почему ж, однако,
в понедельник я даю
сто процентов брака?

— Ничего, Нина, перезимуем на кухне...

Рисунок Ю. УЗБЯКОВА

Перекидной мостик.

Рисунок А. КАНЕВСКОГО

— Это у меня самая результативная тройка!

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА

Н. АЛЬТШУЛЕР

ПРОИСШЕСТВИЕ

Возился я в сарае.
Там фраки не нужны.
Надел, не выбирая,
Какие-то штаны.
Штаны — дыра
на дырке,
Тряпье, точней
сказать,
Таких и клоун в цирке
Не станет надевать.
Так вот, в сарае этом
Возился дотемна.
...На стены рикошетом
Бросала свет луна,
Ночь звездами кишела,
Погода — благодать.
Короче, кончив дело,
Решил я погулять.
Зашел я в сквер
напротив,
Уселся на скамью,
Сижу, дивлюсь
природе,
Под нос себе пою.
Все было очень мило,
И вдруг передо мной
Нестриженый верзила
Встал каменной стеной.
Блеснув гитаркой
сзади,
Сказал:
— А ну давай,
Вытряхивайся, дядя,
Одежку скидавай.
А руки — как стальные...
Решив не возражать,
Снял рваные штаны я
И куртку им под стать.
Вокруг с опаской глядя,
Он влез в мое тряпье
И прохрипел:
— Эй, дядя,
Взамен бери мое;
Не относил и года,
Отдал сто пять
рублей!
Да изменилась мода,
Пардон,
мерси,
о'кей!

г. Рига.

ЛЕКАРСТВО ОТ БОЛЕЗНИ ВЕКА

С. БОДРОВ

Рассказ

Работники конторы по очистке города сидели на своих местах, работали. Машинистка Анфиса смотрелась в зеркало, техник Владимир поливал цветы. Они росли в горшках на подоконнике.

И совершенно внезапно заходит член месткома по фамилии Кофеваркин.

— Команда,— спрашивает,— готова? В воскресенье,— говорит,— выступаете.

— На овощной базе? — спрашивает Анфиса.

— Не на овощной базе, а на соревнованиях. Небось, знаете, как это важно. Оглашаю список, чтобы не подвели контору: Иванов, Трифонов, Петров и Куницын.

— Выступим! С удовольствием! — сказал техник Владимир. — Только одного человека нет.

— Как нет? — удивился Кофеваркин.— Иванов есть?

— Есть.

— Трифонов есть?

— Есть.

— Петров есть?

— Есть.

— Куницын есть?

— Нет.

— Как нет? Должен быть.

Сотрудники конторы задумались, стали вспоминать.

— Вроде был,— сказал Владимир.— Вон за тем столом сидел.

— Не помню. Брюнет, что ли? — спросил Кофеваркин.

— Нет, вроде блондин.

— Вспомнил. С усами?

— Нет, вроде с бородой.

— Вспомнил. Молодой?

— Нет, вроде пожилой.

— Вспомнил! Член ДСО «Динамо», — обрадовался Кофеваркин. — Давно его нет?

Сотрудники задумались, стали вспоминать.

— Вроде с месяц,— сказал техник Владимир.

— А куда подевался?

— Заболел, наверное. Гриппом. Сейчас опять многие болеют,— начал объяснять Владимир. — Погода такая. То дождь, то снег, то снег, то дождь. А еще ветер дует — уу-у...

— Нет,— неожиданно сказал кто-то.— У него не грипп. Инфаркт у Куницына.

Все замолчали.

— Он самый, здоровый среди нас был, а вот, пожалуйста, инфаркт,— растерянно заговорили сотрудники.

— Неприятность это,— опечалился Кофеваркин.

— Инфаркт — болезнь века, — начал объяснять техник Владимир. — От перенапряжения.

— Кто же теперь кросс побежит? — задумался член месткома.

— Хотя чаще всего от волнения...

— Кто же теперь в высоту прыгнет? — задумался Кофеваркин.

— От волнения чаще всего! — заволновались сотрудники.

— А вот и не от волнения! — вдруг всхлипнула Анфиса. — А от равнодушия! Месяц человека нет, только сейчас вспомнили. А какой человек был! Забыли? Кто раньше всех на работу приходил? Кто взносы аккуратно платил? Кто в стенгазету заметки писал? Кто к Восьмому марта женщинам подарки покупал?

Всем стало неудобно, что забыли Куницына.

— Кто же теперь гранату метнет? — огорчился Кофеваркин.

— А мы по рубль пятьдесят соберем! — закричали сотрудники.— Мы антоновских яблок купим! А ты, Владимир, прямо в обеденный перерыв езжай и отвези их.

...Куницын лежал при смерти, под одеялом.

— Это кто? Это ты, Вовка? — спросил он еле слышным голосом. — Я уж думал, и не придет никто.

— Что вы, Иван Иванович! Вот вам яблоки от наших сотрудников и приветы.

— А что, вспоминают меня? — чуть громче спросил Куницын.

— А как же, очень часто. Кто, вспоминали, на работу раньше всех приходил? — начал рассказывать Владимир. — Кто взносы аккуратно платил? Кто...

— Заметки в стенгазету писал! — приподнялся Куницын.

— Да, — сказал Владимир и, помолчав, добавил: — Ведь вы, дядя Ваня, как родной нам были.

— А в месткоме что говорят? — дрогнувшим голосом спросил Куницын и сел на постели.

— Кто, говорят, побежит? Кто, говорят, высоту возьмет? — начал опять рассказывать техник Владимир, но тут внезапно Куницын вскочил с кровати.

— Я побегу! — закричал он на ходу.— Я после таких слов ветром помчусь! Мне после такого отношения никакая болезнь века не страшна!

И Куницын дядя Ваня побежал, метнул гранату, взял высоту, положил на лопатки чемпиона по дзю-до из Архангельской области и в понедельник пришел на работу.

Работал он в конторе еще много лет, до глубокой старости.

Р. КИРЕЕВ, специальный корреспондент Крокодила

ТАЙГА БЕЗ ЭКЗОТИКИ

7. ЭХ, ДОРОГИ...

Итак, наш лесовоз полз, тяжко груженный, от лесосеки в поселок Далми, от так называемого верхнего склада в так называемый нижний. Роскошная тайга была вокруг, я глядел на нее, и вновь зрело во мне недоумение: зачем брать за полста километров то, что можно взять почти на околице?

— Нельзя,— сказал водитель Махонько.— Здесь все уже взято. Мы ведь берем выборочно — только хвою. Ель да кедрач.

— А лиственные породы?

— Лиственные в воде тонут.

И мигом расступилась тайга, и сделалось все для меня светло и понятно. Лишь по воде прорывается лес из глухомани, а это значит, что ни дуб не возьмешь, ни орех, ни березу. Только для ясеня делается хилое исключение: зимой, когда мороз демократично уравнивает хлябь и твердь, можно вывезти кое-что. Но даже ясень, эта пища мебельных гурманов, расточительно остается в лесу, потому что мучителен и далек кустарный ледовый путь.

Теперь я понимал все. Я понимал, почему я вижу тайгу там, где искушенный взгляд лесоруба тайги не видит, поскольку нет в ней уже кедрача и ели. Я понимал, отчего так странно фланирует меж могучих деревьев вальщик Абузов и, пропустив девять, валит десятое. И отчего выбрасывается «за борт» обильный побочный улов...

Полтора десятилетия существует на планете поселок Далми, и полтора десятилетия трепещет в воздухе проблема дороги. Зримо всем — от вальщика Абузова до высоких министерских умов: появится дорога — будет не разнузданная по своей низкой экономичности выборочная рубка, а сплошная, когда берется и используется все — от могучего дуба до тонкой рябины, судьба которой ныне — гнуться и качаться.

Меньше сотни километров отделяет Далми от ближайшей железнодорожной станции. Есть проект дороги, есть смета, прикинуто, как соблазнительно скоро окупятся затраты. На пятерку дешевле обойдется каждый куб леса, а их сотни тысяч кубов. Перемножьте, и вы получите почтенную цифру.

Так в чем же дело? Почему до сих пор не рождена дорога?

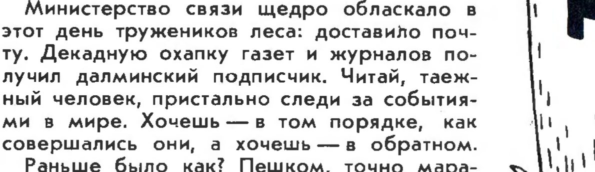
Но вам опять придется потерпеть, читатель: наш автомобиль прибыл к месту назначения. Сверкала река, которую не перейти вброд, светлел простор, и был усеян этот простор пышными штабелями.

— Нижний склад,— уважительно сказал водитель Махонько.— Наш главный плацдарм. Не работали тут? А надо бы...

8. НА НАШЕЙ УЛИЦЕ — ПРАЗДНИК

Возьмите календарь, отсчитайте два первых сентябрьских выходных, а на третьем задержите взгляд: День работника леса.

Начался праздник со взаимострижки. В Далми есть все: пекарь и библиотекарь, зав. клубом и зав. баней, почтальоны и радисты. А вот парикмахером не балует райбыткомбинат (хотя бы одним на два или три поселка), и оттого нещадно корнают друг дружку далминские жители. Праздник застал меня в тайге — стало быть, это был и мой праздник, и я самоотверженно сунул голову под ножницы соседа. Сперва меня стригли, потом я сам стриг, и был, признаюсь, этот новый для меня процесс не легче чокеровки.

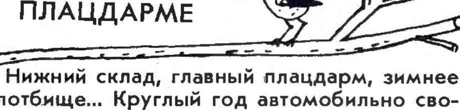
Министерство связи щедро обласкало в этот день тружеников леса: доставило почту. Декадную охапку газет и журналов получил далминский подписчик. Читай, таежный человек, пристально следи за событиями в мире. Хочешь — в том порядке, как совершались они, а хочешь — в обратном.

Раньше было как? Пешком, точно марафонец с олимпийским огнем, нес корреспонденцию через тайгу служащий почты, и получал ее адресат тютелька в тютельку. Теперь глиссера и вертолеты, а также паромная переправа через реку Хор, но с крупным запозданием приходят газеты. Не бьются в них новости — засушенно шуршат гербарием.

И еще один праздничный сюрприз: пиво. С ведрами и бутылями шныряли в магазин далминчане, а уж затем, упрятав емкости в холод, неспешно шествовали в баню, и приобретало традиционное хлестание веником особый многообещающий смысл.

Вечером в клубе разразилось торжество. Далминский клуб тесен, как дупло изъеденного «табаком» кедра, но не будем брюзжать. Тепло было на дворе, и торжество бурно выливалось наружу из распахнутых настежь дверей.

На десерт подали фильм — почти новый, и лесорубы, затурканные старыми лентами, еще раз вспомнили благодарно, что сегодня на их улице праздник.

9. НА ГЛАВНОМ ПЛАЦДАРМЕ

Нижний склад, главный плацдарм, зимнее плотбище... Круглый год автомобильно свозится сюда лес и здесь лежит, штабеленный, до весны, до большой воды, которая подымет его и понесет.

Мастер склада Ольга Яковлевна, топором заточив карандаш, вручает мне его, и я расписываюсь, как я уже привык, за технику безопасности. Легкость и пренебрежение в беге моей руки, но мастер протягивает мне стерильный бинт, и это действует. Я включаю бдительность.

Ольга Яковлевна пальцем трогает лезвие моего топора.

— Не бритва, нет,— говорит она, упрекая, и отпускает меня в бригаду Александра Курилова.

Из тайги на нижний склад хлысты прибывают в сучьях и заусеницах, дальше же они должны следовать гладкими, как карандаши.

— С какой стороны привык рубить? — спрашивает бригадир Курилов.— Справа? Слева?

— Ни справа, ни слева,— признаюсь я, помявшись.— Нет топора у меня в доме, поскольку центральное отопление.

Это не воодушевляет бригадира. Молча пускает он бензопилу, а остальные взмахивают топориками.

Владимир Зубков тоже взмахивает. Рассказать вам, как работает Владимир Зубков? Но для этого вернемся назад, в праздник, который только что отшумел на нашей улице. В похожий на дупло клуб, где подбивали бабки и чествовали.

Владимир Зубков ютился за плитой, от президиума в отдалении, однако его оттуда извлекали трижды. Сперва — благодарность, потом — грамота и, наконец,— ценный подарок, который он унес к себе за плиту недоумевающими руками.

Теперь вы представляете, как работает Владимир Зубков? И еще вы представляете, как выглядел на этом фоне ваш корреспондент, избалованный паровым отоплением?

— Зачем же всем корпусом? — удивлялся Зубков.— Отключи руки от тела, совсем отключи, пусть сами машут. Иначе, милый, через час дух из тебя вылетит. Глянь, хоп — и нету сучка, хоп — и нету. Понял?

«Чего же тут не понять?» — думал я, но выключателя в себе не обнаруживал. Пока я мыкался с одним сучком, Зубков стирал со ствола три, но рекордом это не было. Девять можно стереть за то же время теми же руками, если только вынуть из них топор и вложить бензопилу, как требует того инструкция. Но об инструкциях мы уже говорили. Полеспромхозно недостает пильных цепей в стране, зато обилие золотых рук, в какие можно сунуть по надобности топор, и они, отключенные от корпуса, будут махать им на совесть и долго.

А как же пила бригадира Курилова? Она тоже не нежится в отдыхе — до раскаленности корпуса сечет многометровые хлысты на гостовые отрезки. В остатке непременно остается что-то, и это нестандартное «что-то» случается объемом в куб, а иногда и в полтора. Мастер Ольга Яковлевна не допускает засорения территории: могучие чураки сжигаются, облитые соляркой, тут же, на главном плацдарме, вкупе с обрубленными ветвями. Ярко и смачно горят они — назло нашим целлюлозной и гидролизной промышленностям, у которых крупная одышка от нехватки сырья. Эти обжорливые промышленности способны своим химическим нутром переварить все, но вынуждены заглатывать отборную деловую древесину. Ту самую, между прочим, из чего можно соорудить мебельный гарнитур, на который вы записаны в очередь, читатель. Но зачем возиться с обрубками и кроной, когда мы с вами так богаты? Осмотритесь — вон еще сколько леса вокруг! Будем же гноить его на делянках, будем жечь на нижних складах: на наш с вами век хватит. Не уподобимся тете Дусе, которая всплеснула руками, увидав, как я чищу картошку.

— Да ты что, голубчик! Кто же срезает по стольку!

Не уподобимся тете Дусе, ибо тетя Дуся — хозяйка, а мы с вами производственники.

Обчистив хлыст с одной стороны, я захватываю его кондаком — серпообразным крючком на длинной палке — и повисаю на конце его, по-обезьяньи поджав ноги. Хлыст не поворачивается: недостает живого веса (моего). Это радует меня. В сжатые сроки достиг я того, за что в Москве пришлось бы расплачиваться диетой и сеансами плавания.

В средней полосе, передавало радио, поноябрьски свирепствовал сентябрь, а здесь плюс двадцать в тени. Но рубашку я не снимал. Комарье, доставленное из тайги в еловой кроне на автомобиле, отвечало на каждый удар топора шальной контратакой.

К тому времени, когда мой дух, согласно прогнозу Владимира Зубкова, благополучно покинул тело, возле нас появилась женщина с боярским топориком в руке. Она бегло осматривала наши хлысты и клеймила их, ударяя обухом по торцу. Это означало, что хлыст сплавконторой принят.

Звали женщину Анной Юрьевной, но не в этом дело, а дело в том, что возле моего хлыста ее беглость вдруг поубавилась.

— А это что такое? — с интересом полюбопытствовала она.— Это ж не обрублено, а пострижено.

Я мужественно шагнул вперед.

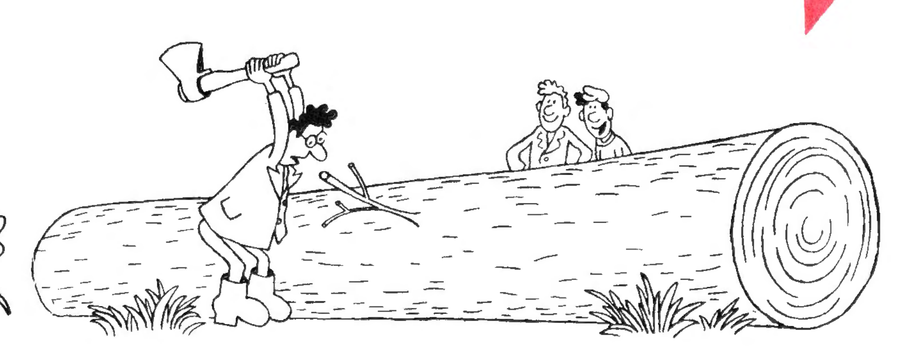
— У него паровое отопление,— заступился за меня бригадир Курилов.— Исправим сейчас.

Анна Юрьевна молча двинулась дальше — вдоль штабелей, заклейменных ею, и была во всей ее суровой фигуре с боярским топориком грация ответственности. По весне штабеля обрушатся в реку — дикие нескончаемые орды бревен, от которых цепенеет и мрет рыбье население.

Тетя Дуся, у которой я жил, сказала по этому поводу (угощая треской):

— Лес рубят — щепки летят.

Я вспомнил о кубометровых чураках, что сгорают, облитые соляркой, на главном плацдарме. С эким же размахом делаем мы все, коли такие летят у нас щепочки!

Окончание. Начало см. в № 33.

10. ШПАГИ СКРЕЩИВАЮТСЯ В СЕМЬ

— Писать, стало быть, о нас? — спросил начальник участка Берлев, когда мы познакомились вторично и я предстал перед ним уже в ранге корреспондента.— Ради бога! Ежедневно в семь вечера разнарядка. Милости просим! Услышите полезное.

Я приходил, смирно садился в углу под грозным санитарным плакатом с энцефалитным клещом и внимал. Скоро в комнате делалось тесно от клокочущих проблем. Недостающие кубометры... Забитый нижний склад... Бульдозер, который не бульдозерит... Обвалившийся колодец... Котел для столовой... Печи... Сколько же, ужасался я, накладных забот приходится на каждое поваленное дерево!

Кажется, атомный век стоит на дворе, пиками антенн ощетинилась планета, а тут — о печах. Неужто о тех самых, коими обогревают дом и в каких щи варят? Архаизм! Нельзя ли отыскать проблему поновей?

А она нова. Десяток лет назад были еще печники и не было проблемы. Ныне — наоборот. Регулярно навещает таежный поселок мастер из телеателье (ура, конечно!), но ведь, кроме телевизоров, существуют на грешной земле и печи, а где, покажите, мастера мудреного печного искусства? Не готовит их наша кадровая индустрия.

В кабинет вплывает мастер главного плацдарма Ольга Яковлевна — не в дневных резиновых сапогах, а в модельных туфлях. Но пусть не обманывает вас ее вечерний непроизводственный вид: секунда — и шпага мастера устремлена в главмеха Рослякова.

— Трактор! Завтра с утра! Иначе задохнется нижний склад.

В глухую защиту переходит главный механик. Чтобы починить трактор, нужен кузнец, а где по нынешним временам отыщешь атлета, какой согласился бы размахивать пудовым молотом?

— Трактор,— произносит в ответ Ольга Яковлевна с несокрушимой женской логикой.— Мне трактор нужен.

Главмех не сдается, обороняется. Трактор ДТ-75 снят с конвейера, и, естественно, нет для него запчастей, поскольку стар он уже. Трактор Т-4 поставлен на конвейер, и, естественно, нет для него запчастей, поскольку нов он еще...

«Опять о запчастях! — взмолится читатель.— Сколько можно?»

Ежедневно бубнят об этом во всех леспромхозах, ежедневно и не первый год.

Тетя Дуся, у которой я жил, сказала по этому поводу (угощая вареньем из китайского лимонника):

— Охали день до вечера, а поужинать нечего.

11. А МЫ ЕДЕМ, ШАГАЕМ ПО ТАЙГЕ

Мы — это Дмитрий Егорович Берлев, основатель Далми, первопроходец и ветеран, пес Белый и ваш корреспондент. Вторые сутки лазаем мы по сопкам, и это не в воскресенье, а в самом эпицентре недели, когда, казалось бы, начальник Берлев должен сидеть себе на участке и координировать процесс. Но вы не думайте, что начальник сачкует, нет. Начальник работает. Меня он пригласил с собой следующими словами:

— Пошли лес искать.

И это не прозвучало для меня дико. Пообтаежив, я уже не удивлялся тому, что можно жить в тайге, в глухомани, и шнырять в радиусе полсотни километров в поисках леса.

Иные начальники поступают рационально. Не прут в глушь с зарядом в ружье на случай встречи с медведем, а посещают лесхоз и получают в гарантированной безопасности лесорубный билет. После этого бригада является на отведенный участок и обнаруживает, что брать-то тут нечего: нету хвои.

У Берлева не бывает так. Берлев вскидывает на плечо ружье и, свистнув Белому, сам отправляется в тайгу. Ходит, смотрит, щупает. И только после этого, полный конкретности, прибывает в лесхоз с официальным визитом.

Старым волоком идем мы сквозь тайгу, где давно уже выработаны кедр и елка. Белый обнаруживает кабаньи следы, свежие, как вынутый из печи хлеб. Ныряет в чащу, возвращается, зовет нас мыслящими глазами, но Дмитрий Егорович, смирив охотничий пыл, грозит Белому пальцем. Кабана в тайге достаточно, а вот леса... И мы начинаем штурм очередной сопки.

Через четверть часа мое дыхание приобретает паровозную частоту. Я молча стыжусь: Берлев, который едва не вдвое старше меня, дышит ровно, как йог. Но я не одинок. Белый вывалил язык от усталости. Это поддерживает меня морально.

— Трудно ему,— сочувствует Дмитрий Егорович.— Тигр зимой пошкарябал. Едва домой приполз. Суровыми нитками рану зашивали. Видишь, как дышит.

Меня тигр не шкарябал, но тем не менее... Я даю себе слово заниматься по утрам гимнастикой.

И все же уссурийская тайга гуманна: едва я решил запросить пощады, как она тактично выставила на нашем пути виноградник. Как не остановиться! Потом новый бросок, и вот мы на «отстое» — крохотном пятачке на макушке сопки. Изюбры спасаются здесь от волков...

Дмитрий Егорович достает карту и компас. Медленно затихает наше с Белым дыхание, и тогда мы различаем доносящийся издалека рокот трактора.

— Солонцово,— комментирует Берлев.— Соседний участок. Встретимся скоро. Тогда уж наверняка дорогу построят.

Позже, карабкаясь, как в сопку, вверх по инстанциям, я убедился, что старый таежник был прав: дорога будет. О ней говорят все — телефонно, телеграфно. Требуют.

Но отчего десять, пятнадцать лет назад не построили ее? Давно окупились бы все затраты. Сплошняком брался бы лес — ни одного сгнившего дерева. Компактность разработок. Экономия на вывозке. Чистота нерестовых рек...

Дальше медлить нельзя: хвоя выбрана. Стало быть, дорога будет. Тетя Дуся, у которой я жил, дала этому феномену философское объяснение (угощая жареными опятами):

— Гром не грянет — мужик не перекрестится.

...Дмитрий Егорович достал из кармана дудку, которую вырезал по пути, подудел в нее, окликая изюбра, но изюбр скромно промолчал в ответ. Тогда мы встали и пошли вниз — в одну из последних, не тронутых еще расселин. Белый вспугнул белку, но, пока я колдовал над мелкашкой, она взлетела под облака.

— Экий кедрач,— сказал Берлев, вымеривая дерево взглядом.— Кубов двадцать пять. Двухквартирный дом можно вырубить.

Я вежливо ахнул, а про себя подумал, вспомнив весь технологический процесс — от лесосеки до нижнего склада,— что покуда кедр этот прибудет на место, от двух квартир останется одна.

12. СВЕРХУ ВИДНО НЕ ВСЕ

Наш вертолет летел над страной, где шастают тигры, где растет из предыдущей эры ровесник Аристотеля тис, и куда... Но все это вы уже слышали, читатель. Торжественным аккордом хотел я закончить этот репортаж, но Аэрофлот убил во мне мое благодушное настроение. Сутки прождали мы вертолет, а его не было, несмотря на все метеорологическое совершенство неба, и никто не знал, будет ли он. Он мог прийти когда угодно, а мог совсем не прийти, и это не было б нарушением расписания, поскольку расписания не существует здесь.

Вздыбленный сопками таежный ковер внизу еще более пожелтел и побагровел за отчетный период. Сверху он выглядел очаровательно, но вы только что убедились, читатель: сверху видно не все.

На коленях у меня лежал пакет дальневосточного дикого винограда, под ногами — фляга дальневосточного меда.

— А маньчжурских орехов мы вам вышлем, когда прочтем, что вы там написали,— сказала мне на прощание тетя Дуся, у которой я жил.

Получу ли?..

Хабаровский край.

ОХ-ХО-ХО! КРАСОТА!! ПЕРВЫЙ СНЕГ!!!

ВОТ РАДОСТЬ! ВОТ БЛАГОДАТЬ!!

МИТРИЧ! С ПЕРВЫМ СНЕГОМ!!!

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА

МИМОХОДОМ

Чем хуже готовит повар, тем вежливей должны быть официанты.

Как много помощников находится у человека, которому нечего делать!

Прожили в любви и согласии от свадьбы до развода.

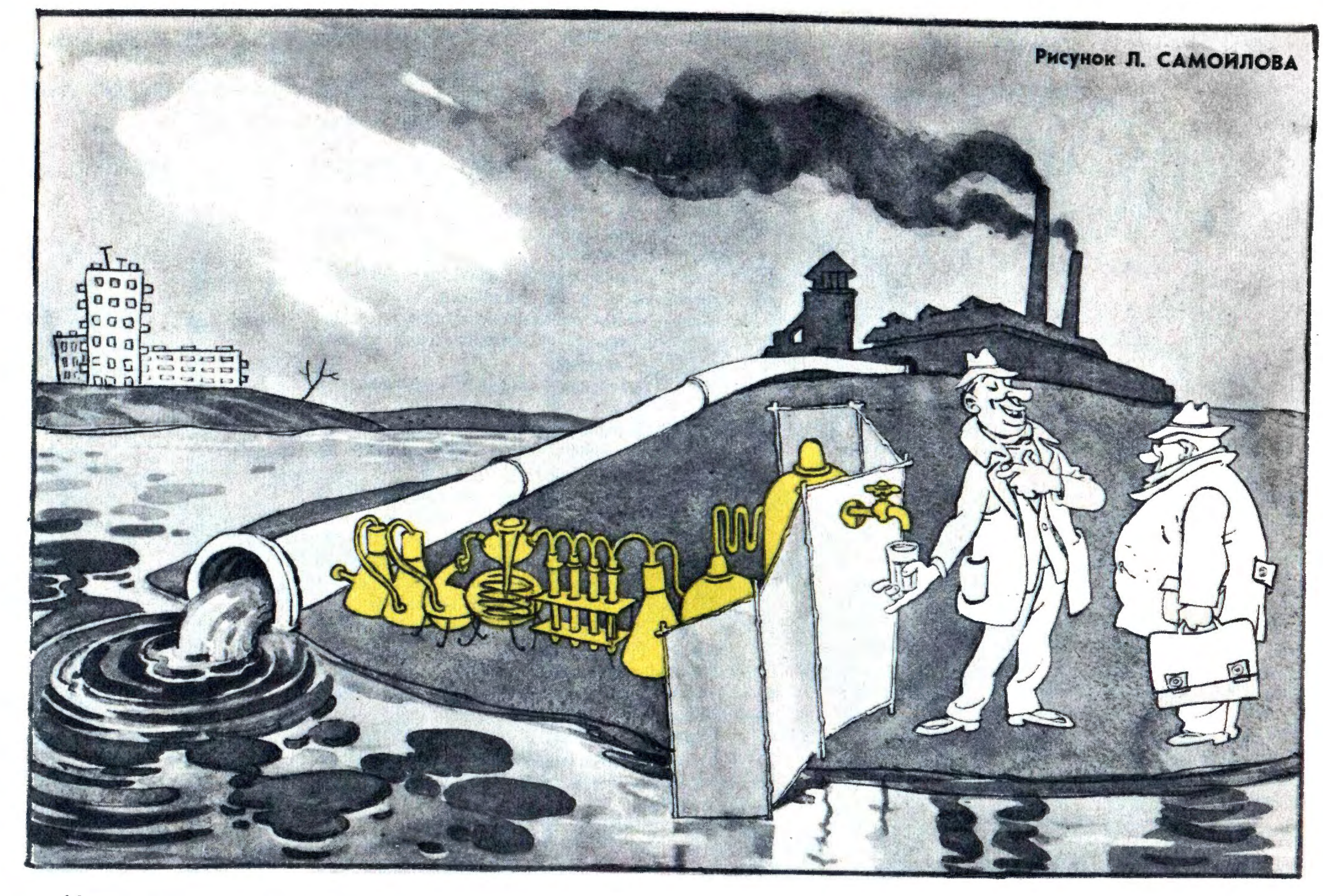
Аварии чаще случаются с теми, кто научился управлять машиной раньше, чем самим собой.

Уважай чужие труды! Они могут стать основой твоих!

Интересно, о чем говорят люди, понимающие друг друга без слов.

Готов стать кем угодно, только не самим собой.

М. ГЕНИН.

— Наши сточные воды полностью очищены. Хотите, на ваших глазах выпью стакан?

БЕСЕДА ЗА ОБЕДЕННЫМ СТОЛОМ

Н. КВИТКО,
специальный корреспондент
Крокодила

Оставим на время домашний наваристый борщ, аппетитный де-воляй или паровую котлету и соприкоснемся с общепитовским рационом.

Что мы тут имеем сегодня?

На первое: некоторые успехи в развитии.

На второе: некоторые достижения в охвате и некоторые в качестве.

И, наконец, на третье: многочисленные недостатки.

С точки зрения члена общества, пользующегося этим питанием, картина обычная, может, даже нормальная. А вот попробуйте поговорить с теми, кто стоит по ту сторону раздаточного окна!

...Нас было пятеро за столом. Четверо представляли сферу производства — экономист, технолог, администратор, повар, и один представлял сферу потребления — автор.

Стол был накрыт по всем правилам: посредине стоял дефицитный боржоми, перед каждым из нас фужер и стопка... чистой бумаги с шариковой ручкой. Разговор начал повар.

— Вот вы говорите «на первое», «на второе» и так далее. Но вы забываете, что самая захудалая хозяйка может приготовить обед, который не сотворит и самый квалифицированный повар. Потому что этот обед будет домашним. Наверное, поэтому рабочие, живущие недалеко от предприятия, предпочитают во время обеденного перерыва трусцой мчаться домой вместо того, чтобы спокойно идти в столовую...

— Но вы не забывайте, что есть и другая сторона,— вступил в разговор технолог.— Даже высококвалифицированная хозяйка не может каждый день готовить то, что запросто делает любой повар. И еще не забывайте: домашний обед должен кто-то подогреть и подать.

— Хочу добавить,— сказал экономист,— есть в Кишиневе столовая на фабрике имени XXIII съезда КПСС. Очень хорошая столовая. Ее посещают девяносто процентов рабочих. А недалеко есть еще три предприятия, где столовые посещает треть работающих.

— Улавливаете? — спросил повар.— Производительность труда работников кухни исчисляется не тем, сколько они могут сделать антрекотов и гуляшей, а сколько смогут продать. Потому что мы работаем в системе торговли...

— Скажите,— продолжил технолог,— что легче: готовить разнообразные обеды по-домашнему или зафуговать, извиняюсь, несколько тысяч пирожков, вынести их на улицу и продать прохожим? Чтобы на обедах заработать сто рублей, должны работать двадцать человек, а чтобы продать на такую сумму пирожков, хватит двух-трех. Вот вам и производительность в рублях! Теперь улавливаете?

Теперь я улавливал. Я вспомнил, что на кишиневских рынках видел более двух десятков киосков от столовых №№ 2, 8, 15, 18, 26. В них продавали пирожки, пирожные, пироги и многое другое. Я еще обратил внимание на то, что бойко торговали не только изделиями собственного производства, но сказать об этом не успел, так как в разговор вступил администратор.

— Возьмем официантов ресторанов и кафе. Как вы думаете, кто больше заработает, тот, кто накормит днем двести человек обедом, или тот, кто вечером обслужит двадцать персон? Разумеется, второй! Потому что официант получает от выручки. Теперь сопоставьте пару бутылок коньяка и три десятка борщей! Как ни крути, выгоднее обслуживать закусывающих, чем кушающих.

— Между прочим,— удалось мне вставить реплику,— я видел, что столовые и рестораны торгуют на улицах не только своими изделиями. В Одессе они продают кур, яйца, апельсины. В Кишиневе — брынзу, сельди, мармелад в шоколаде, сало...

— Все правильно,— веско заявил экономист.— План товарооборота выполнять надо? Надо. Вот директора предприятий и стараются. Тут вырвут тонну уток, там раздобудут полтонны перца. И выходит, что директор вместо того, чтобы руководить приготовлением высококачественных отбивных и окрошек, думает о том, где бы что достать для выполнения плана товарооборота.

...Беседа за круглым столом продолжалась еще долго. Но в результате всплыл тот же самый вопрос, с которого начался фельетон: ЧТО МЫ ИМЕЕМ В ОБЩЕПИТОВСКОМ РАЦИОНЕ?

Кишинев — Одесса.

Именно этот вопрос и задал корреспондент И. Ярославцев заместителю начальника управления общественного питания Министерства торговли СССР тов. З. Н. Сосниной. Правда, звучал он несколько иначе:

— Скажите, пожалуйста, Зинаида Николаевна, вы сами-то в столовую ходите?

— Очень редко. Предпочитаю обедать дома,— откровенно призналась тов. Соснина.

— Что так?

— Невкусно там и дорого... и вообще, лучше самой приготовить: и дешевле и вкуснее.

— Но это ведь некоторым образом ваши подчиненные... Нельзя ли их заставить лучше работать? Или попросить в крайнем случае.

— Ничего не выйдет! — убежденно ответила Зинаида Николаевна.— Им невыгодно вкусно готовить. Им вообще ничего не выгодно. Поняли?

— Нет. А что же им выгодно?

— А ничего не выгодно! Почти все наше общественное питание убыточно. В принципе.

— Неинтересный какой-то принцип...

— Мы нерентабельны. И в этом все дело. Ведь почему столовые продают на улицах и площадях всякую снедь, вилючая кур, сосиски и даже сахар? Выгодно! Получают со скидкой, а продают с наценкой, как будто это обработанный продукт — сваренный то есть.

— Но это ведь нечестно!

— Безусловно! А мы и запрещаем. Рассылаем циркуляры, инструкции, но все равно продают. План-то выполнять надо. В сущности, каждая столовая в идеале стремится стать торгующей точкой, а не питающей. Это — самое удобное и выгодное дело: получить иа складе продукты и тут же продать, не разжигая огня под котлами.

Варить обеды нет никакого резона. У нас каждая пятая столовая работает убыточно. Из 674 городских трестов и контор общественного питания только в системе Министерства торговли РСФСР убыточны 146. На грани «краха» еще 57 трестов, а 305 имеют рентабельность меньше одного процента. Чтобы поднять качество обедов, нам нужно перейти на новую систему материального стимулирования. А у нас нет фондов. Не с чего им быть, понятно?

— Понятно, только как же насчет вкусного борща? Хотелось бы.— И корреспондент посмотрел на часы: время было обеденное.

— Придется немного подождать.

— Долго?

— Ну, лет пятнадцать. Ведь в чем дело? Сейчас в нашей системе общественного питания работает около миллиона человек, выполняющих множество операций. Их тяжелый и малопродуктивный труд съедает все наши прибыли. А механизировать его можно только на 25 процентов. Больше нельзя. Поэтому обеды в наших столовых готовятся прадедовским способом. Так было и сто лет назад и двести.

— Выход-то есть? — спросил корреспондент с надеждой.

— Есть. В неноторых странах все блюда приготавливаются на автоматизированных фабрнках, замораживаются до 18 градусов, транспортируются в специальных рефрижераторах. В столовых их дефростируют, то есть размораживают, в специальных печах подогревают и подают на стол. Мы уже представили в Госплан свои соображения на 1990 год. Так что прнходите. А пока...

...Корреспондент шел по улице, погруженный в мечты о вкусном борще, который ему предстоит есть в конце столетия. Женщина в засаленном белом фартуке продавала на углу сосиски. Столовая выполняла план.

К. ГРЕЙДИНА

Лихорадка

Рассказ

Квартиру нам дали за выездом, но зато с телефоном. Жена моя Тамара сначала поволновалась, но телефон ее покорил. Дала согласие и успокоилась.

— Иди,— говорит,— Витик, запишись пока на холодильник «Минск-2».

И уже недели через две нам переезжать. Только стали увязываться, открыточку приносят. Можете, дескать, свой холодильник получать.

Дружок у меня есть надежный — Коля Кротов. А еще Собакины Ванька и Сашок. Сказал я им про «Минск-2», ну, говорят, поможем. Тем более они и Тамару мою знают. Знают, что Тамара не допустит, чтоб холодильник барахлил. А для этого, естественно, приготовит чем спрыснуть.

Мы этот «Минск-2» как дите на руках до пятого этажа несли. Только порог переступили, Тамара моя стоит, улыбается и точно — три шестьдесят две в руке держит.

— Ладно,— Коля говорит,— я моложе, мне и в магазин бежать.

Пока я селедочку чистил, а Коля в магазин бегал, моя Тамара:

— Я на минуточку в мебельный загляну.

Картошка еще не разомлела, закусить мы толком не успели, а Тамара из мебельного звонит:

— Ребята, а я софу достала!

Коля обтер пальцы от селедки, чтобы софу не замарать.

— Мигом доставим,— ответил он в трубочку.

Ну, софа, она легкая. Что там — фанера да поролон. Ее и одному на пятый этаж втащить — раз плюнуть. Так что софа, считай, сама взошла на пятый этаж. Не успели ее поставить в гостиной, моя Тамара — ридикюлем щелк. Три рубля с мелочью вытаскивает и, ни слова не говоря, Коле отдает. Он и шапку снять не успел. Опять в магазин подался.

На этот раз картошка разварилась. Вся. Мы картошечки себе наложили, стопочки наполнили — и опять, слышу, телефон разрывается.

— Ребята! — голос Тамары в трубке.— А я сервант купила.

Сервант — он потяжельше софы, конечно. И нести его не так удобно. Тем более закусили мы все же слабовато.

Ванька Собакин позади здорово напирал, а Сашка свой угол не дотягивал. Ну, мы с Николаем о стену сервант и шарахнули. Николаю голову малость зашибло, мне правое плечо и локоть задело.

— Ты бы не ходила больше,— попросил я Тамару.

Сервант уже стоял на месте.

— Да я на минуточку,— ответила она и хлопнула дверью.

А три шестьдесят две на серванте оставила.

Коля потрогал ушибы на голове, вяло так шапку нахлобучил и поплелся, как подбитый журавль. Собакиных посылать в магазин было рискованно. Они и дороги не знают.

Едва Колька с бутылкой появился на пороге, опять телефон...

— Ребята! — слышу Тамаркин голос.— А я в «Культтоварах». Телевизор оформила! Самый большой, какой бывает!

— Хватит! — сказал я.

— А что же это за квартира без телевизора? — пропела она.— В общем, я буду ждать у входа!

И трубку положила.

Как мы затаскивали телевизор, убей, не помню. Помню только, Тамарка опять сумочку открывала.

В тот вечер она еще не раз уходила. И сумочку открывала не раз...

Короче, только неделю спустя я в себя пришел. Бинты с головы, правда, еще не снимали.

Один глаз открыл — Тамара моя у постели. Вся осунулась и в парикмахерскую, видно, не выходила... Оплакивает меня... Ну, ладно. А я живой!

Вдруг слышу, она всхлипывает.

— Что же это я, дура, натворила! У всех взаймы набрала: и у свекрови, и у золовки, и в кассе взаимопомощи. На одну водку вам чуть не тридцатку извела. Слухи, Витик, вполне же достоверные были! А мебель с первого числа и не вздорожала. Ничего не вздорожало. А телевизоры и вовсе на двадцать пять процентов удешевились...

Рисунки Бор. ЕФИМОВА

КРОКОДИЛЬСКАЯ ЗООЛОГИЯ

Стихи Ю. БЛАГОВА

Дикобраз ядовитый

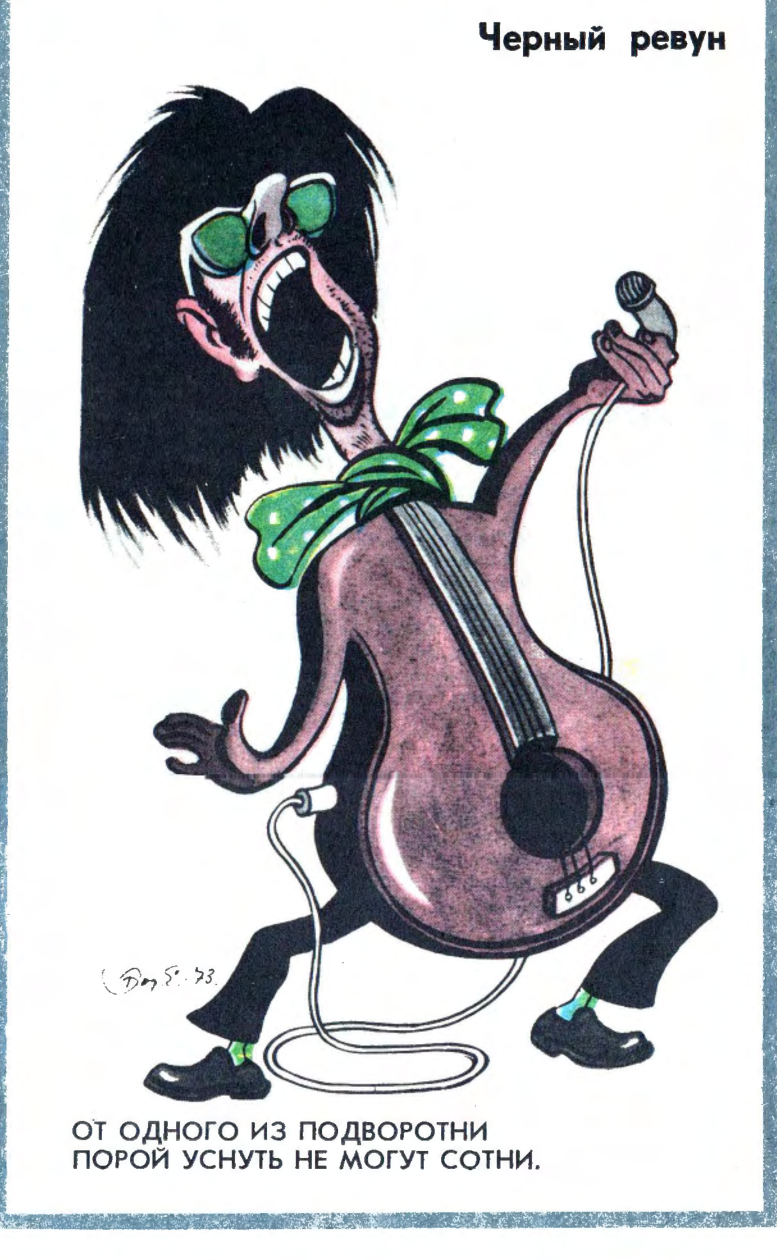

ЗМЕЯ, НАПИЧКАННАЯ ЯДОМ,
НИЧТО В СРАВНЕНЬИ С ЭТИМ ГАДОМ.

Пеликан сверхзапасливый

ХОТЬ ГАБАРИТЫ ПЕЛИКАНА,
ДА АППЕТИТЫ ВЕЛИКАНА.

Черный ревун

ОТ ОДНОГО ИЗ ПОДВОРОТНИ
ПОРОЙ УСНУТЬ НЕ МОГУТ СОТНИ.

ВИЛЫ В БОК!

Заповедный объект

Иноземное войско, пытавшееся когда-то овладеть Загорским монастырем, после шестнадцатимесячного стояния под мощными крепостными стенами убралось восвояси, потрепанное и злое. Более успешно этот памятник древнерусского зодчества осаждают туристы, приезжающие сюда со всей страны.

Но в субботние и воскресные дни, когда туристы удесятеряются числом, все-таки заметна острая нехватка достопримечательностей на душу туриста. И поэтому в дни туристского столпотворения не мешало бы задержать наплыв любознательного люда к Троице-Сергиевой лавре, временно сконцентрировав его внимание на каком-нибудь ином объекте.

И такой объект в Загорске имеется. Это пятиэтажный дом в квартале «В», предназначенный для работников автотранспортной конторы № 11. Возводили его шесть лет, и сейчас, можно сказать, он уже готов. Но новоселье тем не менее справлять еще рановато.

Хотя данное строение не памятник старины, а скорее памятник волокитчикам, в их судьбе немало общего. Монастырь пытались взять осадой — испытывает длительную осаду и трест Мособлстрой № 15, ответственный за сооружение дома. Укрывшись за крепостными стенами равнодушия, отражает он натиск будущих новоселов, не выделяя стройке в достаточном количестве рабочей силы. Некому проложить несколько труб и дать дому свет, газ, тепло. Некому вдохнуть в него жизнь.

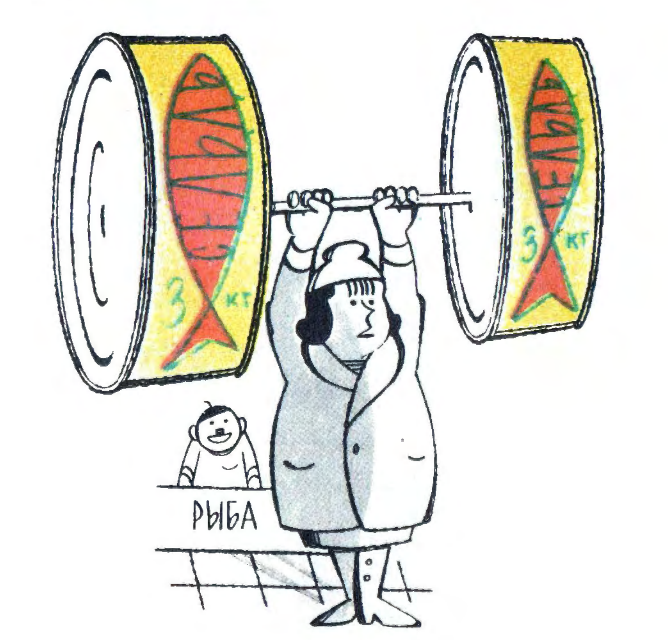
Редеют с каждым годом ряды осаждающих, увольняются из АТК № 11 кадровые шоферы, разуверившиеся в скором получении квартир.

Вот мы и думаем: не пора ли объявить стройплощадку заповедной? Прораба, который при столь тягучих темпах строительных работ загружен не полностью, можно сделать экскурсоводом. Следует также выпустить путеводитель по незавершенному объекту, в коем указать, сколько заявлений и жалоб работников АТК № 11 приходится в среднем на каждый кирпич дома.

П. ИННОКЕНТЬЕВ

НА КОНКУРС ТЕМ

Тема Л. ГУРЕВИЧ (г. Москва)
Рисунок М. ВАЙСБОРДА

Вес взят!

С четырех сторон

Вернемся к проблеме старой, как мир: связь школы с жизнью. Вы помните, сколько ворчалось по этому поводу и недоверчиво гмыкалось. Но вот повод одобрительно или даже восхищенно потереть руки. Предоставили его городские власти города Актюбинска. В самой что ни на есть гуще жизни расположен здесь филиал школы № 23.

С одной стороны, прямо под школьными окнами, гуща не очень густа, поскольку регулярно разбавляется дождем. Это — болото. Справа от него гуща погуще (помойка), слева же можно наблюдать совсем твердые формы (свалка).

С другой стороны к школе подкрадывается канава, вырытая с позабытыми ныне целями два года назад. Затем следует, простите, туалет. К нему вплотную примыкает другая помойка, а чуть в отдалении — опять, простите, туалет. С противоположной стороны жизнь заявляет о себе на этот раз, простите многократно, не одним туалетом, а серией. Вроде фонтанов в Петродворце. Слева, как вы понимаете, помойка. Другая. Справа тоже.

Из четырех сторон необследованной осталась одна. Здесь высится гора металлолом, который школьники с энтузиазмом собрали на субботнике несколько месяцев назад. Ныне лом, согласно законам физики, бурно ржавеет. Когда этот процесс благополучно завершится, объявят, надо думать, новый субботник, и металлолом переместят на свалку. Это совсем рядом. Гуща жизни, как видите, засасывает в себя школьников жадно и с хлюпаньем.

Р. ТИМОВ.

Бороды полторы назад

Вот какой разговор ведут между собой жители поселка Стрелка, Енисейского района, Красноярского края:

— Чего косу толком не приберешь, Степан! Заплел бы, уложил кренделечком — и удобно и красиво.

— Да жена отдыхать уехала, Никитушка. Без нее с прической не управиться.

— Надолго!

— Бородки на две, на три.

— Ну это еще ничего. Помнится, бороды полторы назад моя на юг укатила. Спасибо, дочка гребень одолжила, а то б совсем пропал.

Что за ересь! А все дело в том, что нет здесь примерно с мая месяца приличной парикмахерской.

Но, как говорится, худа без добра не бывает. Так как в поселке отсутствует и часовой мастер, население приноровилось использовать буйную растительность, отросшую на головах и лицах с тех пор, как Стрелка лишилась этих двух важнейших признаков цивилизации, вместо вышедших из строя будильников и ходиков.

И слышится на улицах Стрелки:

— Зашел бы, посидим, поболтаем.

— Вот за шпильками в магазин схожу и забегу на четверть усика.

Ирина КМИТ.

Замок авиапочтой

«Дорогая Кланя! С приветом к тебе из Амурска твоя тетка Груня. Помоги, Кланя. Поищи в своем городе, нет ли кой-какого мелкого товара.

Не продают у нас, понимаешь, такую ерунду, как кошельки. Пробовала носить мелочь в кармане, да монетки подкладку протерли и все просыпались. Теперь в платок завязываю, как наша бабушка, помнишь?

Или взять гребенки. То есть взять-то их как раз и негде. Пустяковая штука, а до досады доводит, коли ее нету. Наша сестра, пожилая женщина, к гребенке привыкла. Без нее мы на этих, на волосатиков нынешних похожи.

Пришли также висячих замков. А то все, что нужно запирать, я пока веревочкой завязываю. Одно утешение в поговорке: «Замки — от честных людей...»

Соседям здорово повезло. Им знакомые аж из самого Новосибирска замки прислали. Видно, ближе замками почему-то не торгуют.

У нас тут говорят, что это все, мол, «гримасы торговли». Уж не знаю, чьи это гримасы, только ты мне помоги. Деньги высылаю». (Подпись неразборчива.)

Письмо из поселка Амурск, Хабаровского края, доставил А. ЭРОПОРТОВ.

В огороде бузина

Неприятности в одиночку не случаются. Неприятность идет кучно. Ехал как-то житель города Кричева, Могилевской области, тов. Софронов В. Ф. на мопеде. Но это еще полбеды. Неприятность № 1 произошла с ним позже, когда мопед чихнул и остановился.

Вот тут-то все и началось. Так как в Кричеве ротора нигде достать невозможно (в этом состояла неприятность № 2), то тов. Софронов обратился за помощью на Ленинградский ремонтный завод, поставив калеку-мопед в собственную кладовку.

В самые кратчайшие исторические сроки он схлопотал неприятность № 3 в виде такого письма (цитируем дословно):

«Т. Софронов В.
Ваш мотоцикл, мотороллер, лодочный мотор, мотовелосипед отремонтирован. Просим получить его в цехе № 10.
В случае неполучения его в трехдневный срок с Вас будет взята плата за хранение по действующему прейскуранту со дня оповещения.
Начальник цеха № 10 ЛКТОА Дьяченко».

Тов. Софронов удостоверился в наличии мопеда в кладовой и принял единственно правильное решение: никуда не писать, ничего не выяснять, ходить пешком.

И правильно сделал. Ну как в ответ на его вторичное письмо о том, что он, Софронов, никаких лодочных моторов не сдавал, а просто просит выслать ротор магнето, придет повестка в суд по вопросу уплаты алиментов. И с подписью — Дьяченко.

У. М.

ВИЛЫ В БОК!

СТЕКЛОБОЕЦ ИЗ ЛИСИЧАНСКА

Прикумский авторемонтный завод получил от лисичанского стекольного завода «Пролетарий» два контейнера со стеклом. Один из них никаких эмоций не вызвал. Другой же, что за № 10837, доставил получателям немало волнующих минут. В момент, когда его открывали, к ногам открывателей неожиданно хлынула сверкающая река. Сверкало стеклянное крошево, в которое превратились 156 квадратных метров утолщенного стекла. Оно было предназначено для остекления колхозных полевых вагончиков и автопередвижных мастерских.

Автором этого великолепного зрелища явился скромный упаковщик стекольного завода тов. Гладун. Он добился такого эффекта довольно просто: погрузил стекло без упаковки. Такой метод издавна называется «Вали кулем, потом разберем».

Разобрали происшествие в госарбитраже. Решили: платить за битое стекло будет не сам Гладун, а... завод «Пролетарий». И, значит, можно посоветовать Прикумскому заводу заранее подготовить место для свалки новой партии стекольного боя.

А. САВИЦКИЙ

Ставропольский край.

Было бы место хорошее...

Интересным опытом использования всевозможных заброшенных строек поделился наш читатель из города Волжского, Волгоградской области, фрезеровщик Ф. Конкин.

Он установил, что особо беспокоиться о таких руинах не стоит — кое-кто из окрестного населения рано или поздно сам найдет полезное применение любому котловану, фундаменту или остову здания.

Ходить далеко за примером Ф. Конкину не пришлось. Всего в тридцати — сорока шагах от его дома № 25 в 8-м микрорайоне еще в 1968 году строители стали готовить подарок для новоселов — торговый центр. Однако после радостного освещения этого факта в местной газете «Волжская правда» рвение строителей почему-то поугасло. А потом у них и вовсе пропал интерес к созидательной работе на этом объекте.

Вот тут-то и проявили инициативу отдельные активисты. Расположение и свободная планировка «торгового центра» сделали это место идеальным для ежедневных возлияний, кулачных боев и свободного в выражениях обмена мнениями. Небритые и помятые личности чувствуют себя здесь подлинными хозяевами. Смущаться ли им играющих рядом детей или изредка появляющихся дружинников?

И. Т.

ПОД РУКАМИ, ПОД НОГАМИ И САМО ПО СЕБЕ

Е. МАТВЕЕВ, специальный корреспондент Крокодила

Чавкали, чмокали приречными болотами геолог и лошак. Липли комары, жгли оводы, вонял багульник. Болота были якутские, река — Вилюй. Буднично было.

И вдруг лошак провалился по пояс, по брюхо то есть. По самое.

Развьючил геолог лошака, вытянул его на твердое место и задумался. Потом, говорят, понюхал лошака и сказал:

— Нефть!

Лошак пахнул керосином. Геолог был по-своему прав. Через двадцать лет его догадка блестяще подтвердилась: на Вилюе обнаружилось огромное месторождение.

Сделали это, конечно, тысячи геологов и нефтеразведчиков всякими мудреными способами с применением всяческих приборов, машин, оборудования...

...Или возьмем алмазы и разные благородные металлы. Валяются их благородия под ногами — прямо, кажется, голыми руками бери. Но голыми не возьмешь. Приходится опять же вовлекать в их поиски и добычу тысячи людей, умеющих пользоваться приборами и оборудованием, которое, бывает, валяется потом по всему Северу. Это уже после того, как оно отжило свой век.

А бывает, что и не отжило еще, а вот нате — лежит себе. А то и вовсе такое новехонькое где-нибудь обнаруживается в беспризорности, что постороннему человеку и покуситься-то на него боязно, как бы не взгрели за похищение.

Однако не взгревают. Не находятся взгреватели.

Завезли вот однажды на мыс Косистый оборудование для бурения, горючку, законсервированный катер на берегу поставили. И оставили. И местные жители несколько лет мучились, не смея дотронуться до чужого добра. Хорошо, что терпение у них в конце концов лопнуло, спустили они катер на воду и заездили на нем по морю и рекам по своим нуждам. А не лопни у них терпение, так и сгнило бы все на берегу — хозяин-то как в воду канул. Так, что даже в неизвестности остался, кто он такой и какое учреждение олицетворял.

С неизвестностью столкнулся и начальник Ленского пароходства Дубровский, когда пришлось навестить зимой кое-какие подведомственные порты. Пока ехал по «зимникам» (зимние дороги по болотам и речному льду), сделал семь очень полезных и слегка исторических открытий: семь древних барж и лихтеров позабыто-позаброшенных там и сям. Правда, были они не времен Семена Дежнева, но все-таки достаточно стариковские, чтобы озадачиться, кто их тут позабыл-позабросил и на чьем бухгалтерском балансе они когда-то числились.

Другое дело — ледокол «Ермак». Отслужил старик свой срок — поди-ка, брось его где попало. Всему миру ведь известен. Ну, а нам тем более. Вот его и превратили в хлеб для мартенов.

Однако с одной знаменитостью вышло исключение. Другой ледокол, «Красин», еще более всемирно известен. Как такому пропасть бесследно, если он кое в чем превосходит даже современные ледоколы? Но, правда, и устарел кое в чем.

Не бросили его, конечно, поперек моря-океана, а четким морским языком определили его судьбу к концу 1971 года: «Отстой, подготовка к списанию — 55 суток». А попроще выражаясь, резать надо, раз Министерство морского флота приказывает.

И тут общественность возмутилась. Пресса тоже сочла этакое «списание» кощунством. Я был в то время на ледоколе, а потом в Мурманском пароходстве и как раз впитывал эту общественную атмосферу, да и сам, вернувшись в Москву, пытался ввязаться в дискуссию. Напрасно. Последний исторический ледокол готовился «на плаху».

Ан чудо! Постоял он этак в Мурманске, овеянный легендами, славой и спорами, и устоял-таки. И теперь, капитально отремонтированный после своей «клинической смерти», вот-вот уйдет в новое плавание.

Приятное исключение! Впрочем, мы вовсе не призываем ремонтировать поголовно все списанные суда. Тут мы горой за «Вторчермет», тем более что некоторые его уполномоченные сами шлют нам в редакцию просьбы о помощи. То, например, Енисейский леспромхоз, «не дорезав» теплоход «Олень», разбрасывает куски его по пляжу. То на Лене, вместо того, чтобы пустить пароход «Енисей» под пресс-ножницы прямо в Осетрове, где как раз специализируются на этом деле, гонят вдруг пароход по осени на Передуйскую базу, чтобы она выполнила план сдачи металлолома. А пароходик-то не то что плыть, а и просто так на воде держится не очень. Настолько не очень, что по пути сделал естественное буль-буль, но, правда, без человеческих жертв.

Но оставим корабельные неурядицы и сойдем на сушу. А суша такова, что Крайний Север правильнее называть Крайне Бочковым Севером, настолько он усеян железными бочками из-под горючки.

Уж не помню, в какой стране существует такой вид спорта: на лед кладутся рядком бочки, и конькобежец с разбегу прыгает через них. Чем больше бочек перелетит, тем лучше. Так вот, если на Севере сложить все пустые бочки в рядок, то через него перепрыгнуть можно разве что на самолете, да и то не на всяком.

Считалось, что отправлять пустые бочки обратно невыгодно. Поэтому старались использовать их на местах.

Возить, например, в них концентрат олова. Однако олово — оно не повсеместно.

Геодезисты, например, водружали их на горные вершины в качестве геодезических знаков. Однако горных вершин для этого не хватило.

Геологи, те, например, догадались замуровывать в бочки продукты от медведей. Однако медведей становилось все меньше, а бочки все плодились себе и плодились.

И тогда попробовали их в одном из районов Чукотки просто прессовать в железные брикеты.

И что же получилось? А получилось золото. Заграница стала охотно платить за эти брикеты валютой.

Так появился на Севере еще один «золотой прииск».

Человек ухитряется оставлять металл в самых неожиданных местах. Если в самой Москве имеются залитые асфальтом трамвайные линии, то уж на Севере, конечно, должно быть что-нибудь еще более диковинное. Оно и бывает.

Якутия. Сордонгнохское плато. Место, где, по слухам, обитает «черт» — неведомое еще науке животное. Кроме того, место, где всего лишь несколько раз ступала нога человека.

Ладно. Был я там с экспедицией. Ни черта не нашли, зато наткнулись на тоже неизвестный науке феномен: там, где не ступала нога человека, вдруг заржавленная тракторная гусеница валяется. Уж какой леший занес ее туда?!

А на Чукотке однажды такую картину видел: вертолет натужно тащит из тундры подвешенное к своему пузу нечто крупножелезозаржавленное.

Утащил к морю и начал странно мотаться над водой со своей ношей. Колобродит-колобродит, словно сбросить хочет свое железо, а у него не получается. Потом вернулся к берегу, сел. Экипаж вылезает.

— Что это вы, — спрашиваю, — братцы, Берингов пролив собираетесь запрудить металлоломом?

— Да нет, — говорят. — Просто практикуемся летать с грузом на подвеске. А что над водой, так это для перестраховки — как бы на голову кому не уронить.

Конечно же, Север — это кладовая всякого сказочного сырья, и осваивать его будут все бурнее и бурнее и, конечно же, не только с помощью лошаков и оленей.

А вдруг эта сказочная кладовая превратится еще и в свалку предметов буднично металлического происхождения? Да в такую, что будущий геолог, почуяв в трясине этакий металл, осененно воскликнет:

— Э! Да тут крупное железистое месторождение!

И вдруг он опять не особенно ошибется в своих прогнозах?

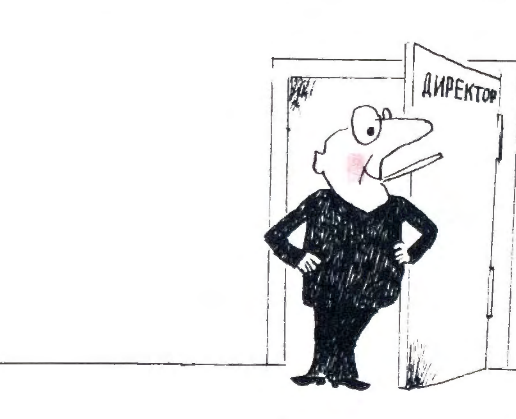
Север.

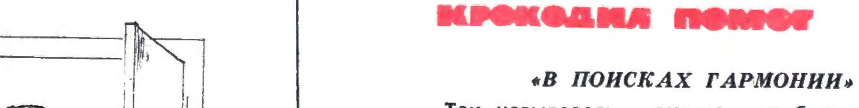
— Пожалуй, эти леса пора реставрировать!

Рисунок В. ШКАРБАНА

НА КОНКУРС ТЕМ

Тема В. ЮЖНОГО (г. Одесса)

Рисунок А. ГРУНИНА

— Теперь сходитесь!

Крокодил помог

«В ПОИСКАХ ГАРМОНИИ»

Так называлась заметка, опубликованная в «Крокодиле» № 28. В ней говорилось о нелепом «рационализаторском предложении» дежурного по сочинскому санаторному пляжу «Заря», отбиравшего санаторные книжки у отдыхающих.

Редакция получила письмо от заместителя председателя Сочинского территориального совета по управлению курортами тов. Б. Ихно, в котором сообщается, что конфликт на пляже произошел по вине заведующего сочинским пляжем «Заря» П. Бойко. Виновные наказаны, на пляже наведен порядок.

«НОВОСТИ КУЛЬТУРЫ»

В одноименной заметке («Крокодил» № 28) речь шла о том, что в отделении милиции города Горячий Ключ, Краснодарского края, не только не реагировали на жалобу гр-на А., но обошлись с жалобщиком грубо, бестактно.

Заместитель начальника Апшеронского РОВД тов. Г. Строев сообщил редакции, что за нетактичное отношение к жалобщику партийное бюро отдела наложило партийные взыскания на начальника Горяче-Ключевского отделения милиции тов. Лягайло и участкового инспектора тов. Новикова.

«ГОРЕМЫКА С РЕССОРОЙ»

В фельетоне Э. Полянского под этим заголовком («Крокодил» № 26) рассказывалось о мытарствах автомобилиста, у которого работники Казанского вокзала никак не хотели принять в багаж рессору для отправки в другой город только потому, что сам отправитель никуда не уезжал из Москвы.

Заместитель начальника Главного пассажирского управления Министерства путей сообщения СССР тов. В. Колпаков сообщил редакции, что Управление Московской железной дороги дало указание о беспрепятственном приеме грузового багажа от населения. Разработаны меры по усилению контроля за работой багажных отделений.

Решительный шаг. Рисунок М. АБРАМОВА

Мих. РАСКАТОВ

Баллада о сытых котах и голодных людях

В США 410 кладбищ для животных. Похороны кота в специальной кошачьей аллее с памятником из бронзы стоят 900 долларов.

В сутки на Земле умирает от голода 80—90 тысяч человек — примерно один человек в секунду.

Увы! Конца печальней нет:
Один сиамский кот,
На днях покинув этот свет,
Отправился на тот.

Хозяйка киски —
миссис Кук,
Хозяин — мистер Кук
Ломают в горе кисти рук,
Поскольку умер друг.

Кота забыть невмоготу...
От имени родни
Из бронзы памятник коту
Воздвигнули они.

Приди сюда и слезы лей,
Когда на сердце мрак,
Среди кладбищенских
аллей
Для кошек и собак...

Но каждый день
В наш бурный век

Средь зноя или холода
Секунда — гибнет человек...
Секунда — гибнет человек...
Секунда — гибнет человек...
От голода.

А в дымке розовой
мечты,
На том краю земли
Иные кошки и коты
Живут, как короли.

Живут, не зная бед и зол,
Имея на заказ
Кошачий дом,
Кошачий стол,
Кошачий унитаз!

Они на золоте едят
С утра и до утра,
И лечат их и их котят
Одни профессора.

Их одевает мистер Кук
И в кружево и в шелк...
Он только кошке
верный друг,
А человеку — волк.

И каждый день
В наш бурный век
В краю, где правит золото,
Секунда — гибнет человек...
Секунда — гибнет человек...
Секунда — гибнет человек...
От голода...

Устин МАЛАПАГИН

ТАЙНЫЙ алиментщик

Возьмем проблему отцов и детей в международном, так, сказать, аспекте. Проблему забывчивых отцов и брошенных детей. Алименты. Душевные травмы. Рост преступности как конечный результат.

Жаркими январскими ночами 1973 года во Вьетнаме, отгремев, закончились бои. Наступившую тишину нарушил горестный вздох: это одновременно вздохнули 122 тысячи южновьетнамских полицейских, подняв небольшой муссон.

Чисто по-человечески полицейских можно было понять: уходили поильцы-кормильцы, уходили Соединенные Штаты, поскольку в соответствии с парижскими соглашениями они обязались «не вмешиваться во внутренние дела Южного Вьетнама», а это, логически рассуждая, означало отказ от обучения и субсидирования южновьетнамской полиции.

Что может быть печальнее на свете, чем грустящий полицейский чин? Разве что американский налогоплательщик, субсидирующий содержание грустного южновьетнамского полицейского.

— Обучали-обучали, кормили-платили...— стенали южновьетнамские стражи порядка.— И на тебе, уходят! А мы-то как теперь?

Но тут вдруг выясняется, что грусть-тоска южновьетнамских держиморд явно преждевременна. Оказывается, никто никого не бросал. Более того, по оценке сенатора Эдварда Кеннеди, ежегодная американская помощь грустным южновьетнамским полицейским составляет пятнадцать миллионов долларов!

Не правда ли, хорош алиментщик! Да такого заботливого папулю поискать! И не только такого щедрого, но и феноменально скромного. Представьте, папаша был бы счастлив, если бы об этих 15 миллионах вообще никто не знал. Каково благородство! И тем обиднее, что в своей же, американской среде нашлись циники вроде сенатора Кеннеди, которые называют тайные алименты вмешательством во внутренние дела чужой страны и нарушением парижских соглашений...

Естественно, что против этих циников восстали все, кому мало-мальски дорог американский образ жизни. И прежде всего министерство обороны США.

— Не виноваты мы! Согласно парижским соглашениям, мы имеем право заменять один на один изношенное полицейское оборудование и снаряжение. На это уходит девять миллионов из пятнадцати.

— А на что ухлопаны остальные шесть?

— А за них пусть отчитывается американское агентство международного развития.

И вот перед нами джентльмен с неестественно благородным выражением лица.

— Скажите, это верно, что ваше глубокоуважаемое агентство тоже финансирует южновьетнамскую полицию?

— Кто это вам сказал?

— Сенатор Алан Крэнстон.

— Ах, этот... Я его монологи уже наизусть знаю: «Пытки полиции и бесчеловечные условия, включая печально известные «тигровые клетки», ожидают тех, кто критикует политику правительства Тхиеу». И дальше: «То, что американский налогоплательщик должен платить за пытки,— это вопиющее беззаконие!»

— Ну и память у вас! Чистый компьютер. Кстати, о компьютерах... Ходят слухи, что США финансируют разработку системы информации для полиции Тхиеу и полицейские компьютеры будут хранить в своей памяти политическую и частную информацию о двух третях взрослого населения Южного Вьетнама. А машинки эти запоминательные — тоже ваши, фирмы «Компьютер сайенс корпорейшн», не так ли?

— Наше дело — профинансировать и оснастить, а там хоть солнце не вставай...

Вот и поговори с этими тайными алиментщиками!

НЬЮ-ЙОРК. Обозреватель «Нью-Йорк таймс» Джеймс Рестон пишет: «За всю историю отношений между президентами и корреспондентами почти никогда еще не было столь ожесточенных нападок на честность американской журналистики, как те, с которыми выступил на днях в Белом доме президент Никсон... Для того, чтобы понять подобный спад любезности, следует вспомнить замечание Эдлая Стивенсона о том, что американские редакторы — это люди, «отделяющие зерно от мякины и печатающие именно мякину».

Комментарий «Крокодила»: комментариев не требуется.

ЛАС-ВЕГАС (США). Владельцы местных игральных автоматов извлекли за год из карманов легковерных охотников за фортуной 730 миллионов долларов. Однако их счастье не безоблачно. Технически подкованные воры изымают из игральных автоматов не менее 10 миллионов долларов в год.

Итак, пока счет 730:10 в пользу легальных грабителей. Соревнование продолжается.

РИО-де-ЖАНЕЙРО. По числу катастроф на количество автомобилей Бразилия уже в 10 раз обогнала ФРГ и Францию, вместе взятых. Жаль, что, садясь за руль, темпераментные бразильцы забывают народную мудрость: «Лучше приехать на 20 минут позже, чем умереть на 20 лет раньше».

ЧИКАГО. В выходящей здесь на немецком языке газете «Абендпост» появилась реваншистская реклама, предлагающая желающим «неподдельную землю Штеттина, Кенигсберга и Пльзеня» по сходной цене — 14 долларов за кулек весом в 100 граммов. В кругах американцев немецкого происхождения реклама эта не вызвала взрыва националистического энтузиазма, но несколько кульков все же было куплено. Как выяснилось, старая леди, купившая землю, приобрела ее для своего кота,— не столько из реваншистских, сколько из гигиенических соображений.

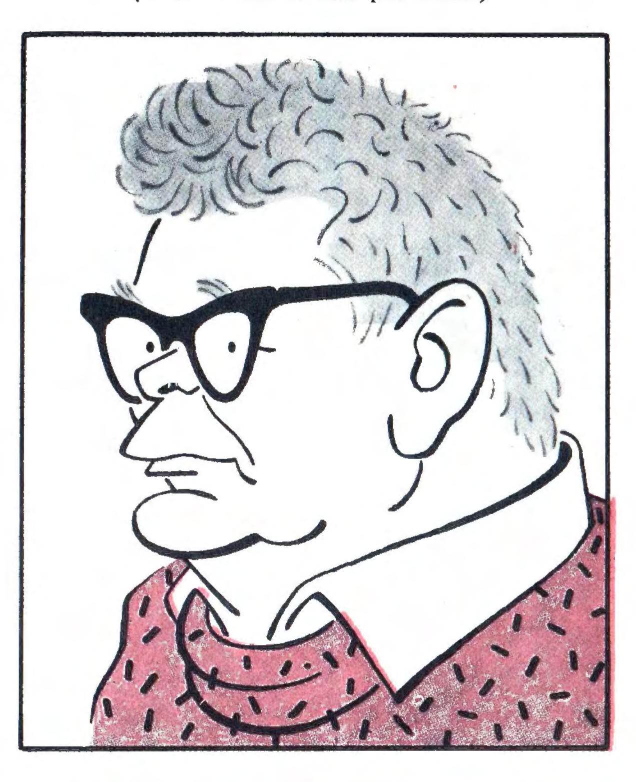
ЛОНДОН. По официальным данным, из 17,1 миллиона жилищ в Англии и Уэльсе 1,2 миллиона квартир фактически непригодны для жилья. В документах благотворительной организации «Шелтер», выступающей в защиту бездомных и обитателей трущоб, часто встречаются сообщения: «В постелях найдены крысы и насекомые», «На кухне — улитки» и т. д.

Высокие правительственные круги отказываются понять гнев жителей трущоб и напоминают о традиционной любви британцев к животным...

Чилийская горилла. Рисунок А. КРЫЛОВА

Владимир Александрович **ЛИФШИЦ**
(К 60-летию со дня рождения)

Дружеский шарж И. ИГИНА

СТАРЫЕ ЗНАКОМЫЕ

Вот и встретились мы снова с принцем Лимоном и синьором Помидором, адвокатом Горошком и Псом Мастино, с мастером Виноградинкой и, конечно же, с маленьким озорным мальчишкой Чиполлино. Вы догадались уже, о чем идет речь? Да, перед вами знаменитая сказка, полюбившаяся людям всех возрастов, «Приключения Чиполлино», и вернулась она к нам в экранном варианте с киностудии «Мосфильм» при полном согласии и непосредственном участии в постановке фильма самого автора — итальянского писателя Джанни Родари.

В работе над кинофильмом приняли участие многие известные деятели литературы и искусства. Авторы сценария — С. Маршак и Т. Лисициан. Художник фильма Е. Галей — автор иллюстраций к книге «Приключения Чиполлино». В фильме занята целая плеяда известных и любимых комедийных актеров. Вы встретитесь с Риной Зеленой и Владимиром Басовым, Романом Ткачуком и Георгием Вициным, Алексеем Смирновым и Владимиром Белокуровым и с Сашей Елистратовым — тем, кто создал для вас образ Чиполлино.

КОРОТКО И ЯСНО

Непомерная сила
в моих руках!
Кирпичище сожму,
и в итоге —
прах.
«А ведь в этом нет
ничего необычного»,—
сказал мне
директор завода...
кирпичного.

Коротко и ясно. Так же коротко и предельно ясно поведал читателю о разных разностях в своих сатирических стихах, миниатюрах, баснях поэт-сатирик Евгений Замятин.

Автор трех книжек сатирических стихов и басен, кировский поэт охватывает широкий круг тем и рисует галерею разнообразных типов. Правда, в большинстве это «герои» в кавычках, но такова уж природа сатиры.

Для Евгения Замятина характерно умение даже в старой, кажется, уже «отработанной» теме найти новый поворот, который заставит читателя улыбнуться.

ПРЕЖДЕ И ТЕПЕРЬ
Прежде
времени было мало.
Даже газет не читал,
бывало.
Даже
на письма не отвечал.
Даже
природные
неотложности
лимитировал
по возможности —
недосыпал,
не жевавши глотал...
А теперь-то
другое дело! —
в телевизоре
что-то
перегорело...

Книжка Евг. Замятина «Не смехом единым» издана в Кирове Волго-Вятским книжным издательством.

«ТРОЙНАЯ УХА»

Вышел в свет своеобразный научно-исследовательский труд писателя-рыболова, а стало быть, и юмориста А. Зайцева об одном из самых романтических увлечений. О каком именно, говорит само название труда — «Тройная уха».

Так что «если на закате солнца вы встретите на берегу реки мрачного, небритого человека с ворохом кривых березовых палок на плече, обвешанного корзинками, банками и сумками,— не пугайтесь: это доночник...».

О доночниках, о поплавочниках, спиннингистах, мормышечниках, о забавных историях, связанных с рыбной ловлей, вы сможете узнать из этого сборника, выпущенного Кемеровским книжным издательством.

ПАМЯТИ ДРУГА

Умер Исаак Яковлевич Золотаревский.

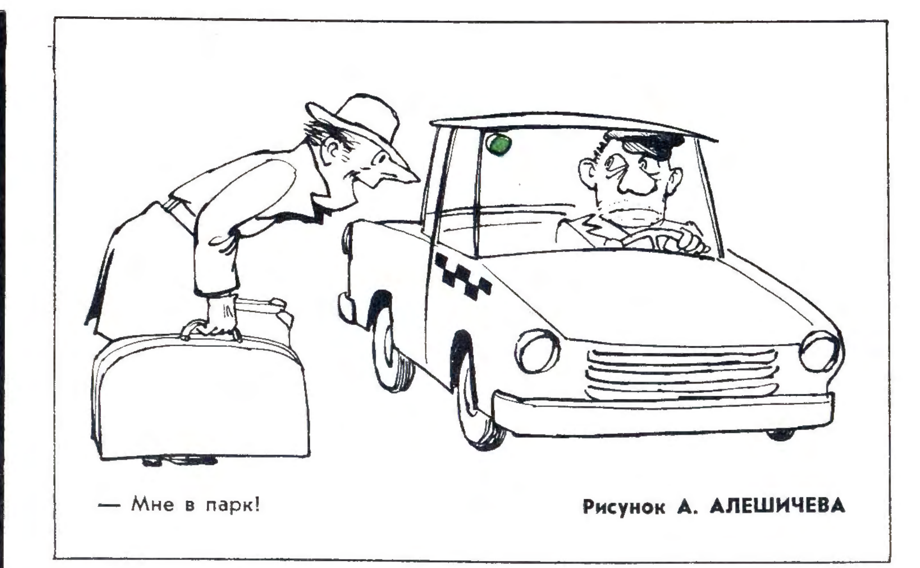
Боевой отряд советской сатиры потерял бойца, не выпускавшего из рук острого пера более четверти века.

Киевский инженер-электрик И. Я. Золотаревский работал в одном из самых трудных жанров литературы — сатире и юморе. Шесть стихотворных книжек, многочисленные публикации в журналах — таков итог работы этого талантливого сатирика. И. Я. Золотаревский много сделал и в области перевода, дав возможность русскому читателю познакомиться с лучшими произведениями украинских юмористов.

Два десятилетия печатались на страницах Крокодила фельетоны, сатирические стихи и переводы поэта. Две книжки, «Соль вопроса» и «В порядке зарядки», вышли в Библиотеке Крокодила. В ближайшее время выйдет новая книжка — «Нечистая сила».

Автор уже не увидит ее. Но читатели снова прочтут острые талантливые стихи, каждая строка которых бьет не в бровь, а в глаз по «нечистой силе», притаившейся под разными масками.

Умер коммунист, поэт, товарищ. Мы сохраним о нем светлую память.

— Мне в парк!

Рисунок А. АЛЕШИЧЕВА

— Не бойся, я не дружинник! Я тренер по стрельбе, чемпиона из тебя сделаю!

Рисунок С. СПАССКОГО

нарочно НЕ придумаешь

По сообщению Свердловского бюро погоды, предварительно объявленное похолодание отменяется.

Газета «Тагильский рабочий».

Прислал К. Трушин, Тульская область.

«РЫБА—ЛУЧШАЯ ЕДА, ДРУЖИМ С РЫБОЙ МЫ ВСЕГДА».

(Транспарант в сельской столовой).

Списал А. Веретенников, Иркутская область.

К сведению ребенка

Регистрация рождения ребенка в органах ЗАГСа обязательна и должна быть произведена в месячный срок со дня рождения.

(Из справки, выданной родильным домом).

Прислала Н. Красных, г. Киров.

АВТОСЕРВИЗ

(Афиша Дворца культуры моторостроителей).

Прислал В. Мозжухин. г. Уфа.

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

Власта СРЖОВА
(Чехословакия)

ТРИУМФ ПАНА ЗДЕНДЫ

У каждого завсегдатая пивной было что-нибудь примечательное, и только у пана Зденды — хоть шаром покати.

Фотограф Славек демонстрировал прокушенную насквозь икру и вдохновенно расписывал, как однажды в цирке на него напал свирепый и совсем нефотогеничный лев. Пепа, продавец из овощной лавки, мог с одинаковым успехом выцарапать свой автограф на пивном подносе и правой и левой рукой. Мусорщик Мирек показывал фокусы, санитар Бертик пронзительно наигрывал на скрипке «О любовь, любовь...», а страховой агент Кайя доставал заветную коробочку с собственными желчными камнями и искусно составлял из них мозаичные узоры. Что же касается доблестного пенсионера Отеса, так у него не было правой кисти, и он приладил к протезу целую коллекцию самых незаменимых инструментов — от штопора до вилки, совсем как в фильме «Авантюрист из Рио».

Ну, а старший кладовщик Зденда был, по общему мнению, личностью вполне заурядной. Если когда-нибудь, собравшись с духом, он пытался рассказать анекдот, то говорил таким конфузливым тоном, что никто его все равно не слушал.

Несмотря на это, а может быть, как раз поэтому Зденда был одержим страстной мечтой — чтобы его имя появилось в газетах. И еще лучше — вместе с фотопортретом. Он рассылал в редакции доморощенные стихи, он щелкал кроссворды, как орешки,— только бы увидеть свое имя среди победителей! — и все напрасно.

Как-то раз, примерно на десятой кружке пива, он разоткровенничался о своих тайных помыслах с собутыльниками. «Ну и ну, и это наш Зденда! Ему хочется прогреметь в прессе! Ах ты, честолюбец!» — начал издеваться страховой агент Кайя. «Уж лучше греметь в газетах, чем бренчать желчными камнями!» — запальчиво возразил Зденда. Дело шло к потасовке, если бы не предупредительный Бертик со своим «О любовь, любовь...». Все притихли и стали внимать музыке...

Однако с тех пор Зденда ни разу не показался в пивной. Про себя он поклялся, что его ноги там не будет, пока он не прогремит. Хотя бы на всю Прагу.

Для начала Зденда дал обязательство сократить штат складских работников за счет младшей кладовщицы Ярмилки (тем более, что она большую часть дня порхала по магазинам) и добился этого. Начальство одобрительно похлопало Зденду по плечу, но пресса и радио промолчали. Потом он отработал двадцать часов на воскресниках по устройству детской площадки, но и другие отработали не меньше. Он стал донором — опять никакого печатного эха. Наконец, он занял первое место по сбору металлолома и макулатуры, но и на этот раз напрасно искал свое имя в «Вечерке».

...Прошел целый год, как Зденду последний раз видели в пивной. Собратья по пенистой кружке «Сенатора» уже давно и думать о нем забыли. Поэтому, представляете, сколько переполоху было, когда он вновь объявился! Да, это был он самый, старина Зденда, собственной персоной — и с пачкой свежих газет в руке. Вот, смотрите! Узнаете физиономию пана Зденды? То-то!

Бертик заиграл на скрипке недавно разученную «Сидит на клене сокол», страховой агент Кайя, остолбенев, уронил на пол весь набор своих желчных камней, а заведующий пивной Гига с готовностью накрыл стол для всей честной компании.

Газеты, шелестя, переходили из рук в руки... Куда там мусорщику Миреку с его фокусами и даже пенсионеру Отесу с его протезом! С первой страницы, с правого нижнего угла, в лицо всем собутыльникам ухмылялся Зденда — совсем как живой. В руках он держал три здоровенных сросшихся белых гриба.

Перевела Л. ИВАНОВА.

22 ноября исполнилось 60 лет выдающемуся болгарскому поэту Асену БОСЕВУ. Его литературная деятельность началась в годы монархо-фашистского режима. Своими произведениями он поддерживал в людях бодрость и надежду, звал их к борьбе за свободу. Освобождение Болгарии принесло освобождение и писателю, заключенному в концлагерь за свои политические убеждения.

Босев отдает свой щедрый талант делу строительства новой, социалистической Болгарии, делу дружбы советского и болгарского народов, воспитанию детей и молодежи.

Его труд отмечен Димитровской и рядом литературных премий. Особую популярность принесли Босеву юмористические стихи для детей и взрослых. Неоднократно выступал он и на наших страницах. Несколько лет Босев редактировал сатирический журнал «Стыршел».

Поздравляя нашего друга со знаменательной датой, предлагаем вниманию читателя его стихотворный фельетон.

Асен БОСЕВ

ДОКЛАД

Завтра у нас
Состоится доклад:
Что сделал за год
Четвертый отряд.

Срочно собрался
Отрядный совет:
Где же работа?
Была или нет?

Вспомнил вожатый:
— Работа была.
Пыль я однажды
Смахнул со стола.

Тут отозвался
Один из ребят:
— Мыл я в столовой
Себе виноград.

— Я фото артистки
Видел на стене.
Хорошее фото.
Понравилось мне.

— А кто-то
Был нашим великим
поэтом —
Я прочитал
В стенгазете об этом.

— У дедушки выпала
Палка из рук,
Ну, я и поднял ее —
Все-таки внук!

— А помните:
Спорили Пенко и Михо?

Я подошел
И скомандовал: — Тихо!

— Летом мы с дядей
Вдвоем на машине
Ездили
По Казанлыкской долине.

Все записали
В докладе подряд —
И получился
Прекрасный доклад:

«В классе
Порядок у нас образцовый.
Моем мы фрукты
Для школьной столовой.

Мы регулярно
Читаем газеты,
Знаем, кто наши артисты,
поэты.

Мы с пожилыми
Проводим работу,
О стариках проявляем
заботу.

Дружно мы боремся
за тишину —
Шуму у нас объявили войну.
Ходим пешком
По просторам страны...»

Вот как из мух
Вырастают слоны...

Перевел В. ВИКТОРОВ

Адам и Ева-73.

«Дикобраз», Чехословакия.

В американской тюрьме ведут преступника на электрический стул.

Надзиратель:

— Пожалуйста, дайте нам адреса ваших ближайших родственников.

— Чтобы выдать им мой прах?

— Нет, чтобы выслать им счет за электричество.

●

Соседка говорит старику:

— Вам, наверное, скучно живется, синьор Мандзони.

— Отчего же скучно? — возражает старик.— Целыми днями я сижу и думаю.

— Ну а что вы делаете по праздникам?

— О, по праздникам,— оживляется старик,— я позволяю себе маленькую роскошь: просто сидеть.

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

— Ты слышал, что в Монако запретили футбол?

— Нет. А почему?

— Хлопотное дело. Мяч без конца улетает то в Италию, то во Францию.

●

Скупой шотландец допытывается у судового врача, какое средство от морской болезни наиболее эффективно.

— Что касается вас,— отвечает врач,— рекомендую держать во рту шиллинг.

●

Молодая жена:

— Милый, мой папа разорился.

— Он всегда меня ненавидел. Я знал, что он найдет средство разлучить нас.

●

— Бьет ли тебя отец, Питер?

— Нет, я самый младший из десяти братьев, и он устает, пока очередь доходит до меня.

●

В аптеке.

— Есть у вас что-нибудь для седых волос?

— Конечно. Глубокое уважение.

— По случаю твоего дня рождения я выстирала твой кухонный фартук.

«Лаворо итальяно», Италия.

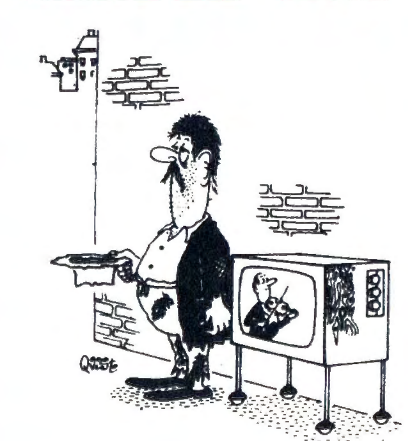
●

Пациент в кабинете у зубного врача:

— Сколько стоит удалить зуб?

— Двадцать крон,— отвечает врач.

— Это слишком дорого. Не можете ли вы расшатать его за две кроны, а остальное я сделаю сам?

«Ивнинг стандард», Англия.

●

Знаменитого писателя-юмориста посетил начинающий автор, который во время беседы сказал:

— Мои произведения будут читать, когда о Стендале, Достоевском, Вольтере мир уже забудет!

— Совершенно верно,— согласился писатель-юморист,— но не раньше!

КРОКОДИЛ

№ 34 (2080)

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

журнал выходит три раза в месяц

Темы рисунков этого номера придумали: М. Абрамов, А. Алешичев, Г. Андрианов, М. Вайсборд, А. Грунин, В. Жаринов, В. Мохов, В. Мочалов, Ю. Степанов, В. Тильман, Ю. Черепанов.

НАШ АДРЕС:
101455
МОСКВА А-15 ГСП
БУМАЖНЫЙ ПРОЕЗД
д. 14

ТЕЛЕФОНЫ:
250-10-86
253-34-37

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Технический редактор
А. В. КОТЕЛЬНИКОВА

Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 19/XI 1973 г. А 13411. Подписано к печати 29/XI 1973 г. Формат бумаги 70×108 1/8. Объем 2,80 усл. печ. л., 4,54 уч.-изд. л. Фотоформы изготовлены в ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типографии газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А 47, ул. Правды, 24. Отпечатано в ордена Ленина комбинате печати издательства «Радянська Україна», г. Киев, Брест-Литовский проспект, 94. Тираж 5.370.000. (2 завод 3.196.151—3.687.390) Заказ 06205.

Цена номера 15 коп.
Индекс 70448

27 африканских стран разорвали дипломатические отношения с Израилем.

ТЕЛЬ-АВИВСКИЙ РОБИНЗОН

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА